

З.В. Канукова

Дiasпора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте*

З.В. Канукова**

Этническая мозаичность населения России привлекла исследовательское и общественное внимание в условиях постсоветской реальности, актуализировавшей значимость этнического фактора, в том числе феномена диаспоры. Дискурс по поводу самого термина и существенных характеристик обозначаемых им явлений с разной степенью интенсивности ведется более 20 лет, что позволяет проследить динамику его основных направлений, определить современное состояние проблемы и подвести некоторые итоги.

В научных исследованиях термин «диаспора» употребляется применительно к этническим сообществам, по тем или иным причинам оторванным от своего народа. Против такого расширительного толкования и использования греческого термина «диаспора» в отношении любых других исторических ситуаций, кроме «расселения» еврейского народа, высказывались многие исследователи. В частности, А. Милитарев категорично утверждал, что «термин этот никакого универсального содержания не имеет и термином, строго говоря, не является» [1, 24]. В. Дятлов констатировал, что первоначальное значение термина «диаспора» расширяется, включая все новые смыслы, зачастую отличающиеся друг от друга и от породившей термин ситуации», и что именно это производное значение становится в последние годы наиболее употребимым, несколько оттесняя первоначальное [2, 230]. В.А. Тишков неоднократно высказывался против «слишком расширенного понимания категории диаспора, включающего все случаи крупных человеческих перемещений на транснациональном и даже – на внутригосударственном уровнях во всей исторически обозримой перспективе» [3, 2].

Однако назидательные напоминания о происхождении термина, ссылки на энциклопедические издания, в которых под термином диаспора подразумевается процесс рассеяния по разным странам еврейского народа, изгнанного из Па-

лестины [4, 68–69; 5, 705; 6, 388], не смогли повлиять на стихийный процесс «внедрения» термина в отечественную науку.

Самый пик дискуссии по поводу термина пришелся на 1990-е годы. Сегодня, спустя 20 лет, стало очевидным, что, несмотря на конфронтацию исследовательских позиций, термин утвердился и стал востребованным именно в его расширенном понимании. Такая «экспансия» и ее последствия требуют объяснения.

На наш взгляд, ключевым здесь является понятие «историческая родина», которое стало употребляться при многочисленных попытках объяснения феномена «диаспоры». Отправной точкой можно считать широко распространенное определение Валкера Коннора, считающего диаспорой «ту часть народа, которая живет *вне родины*» [7, 16].

Важно отметить, что под «родиной» большинство исследователей имеет в виду регион или страну, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив. Ю.А. Поляков привел два толкования понятия диаспора: этническая общность, находящаяся в *иноэтнической среде*, и население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно к *другому государству* [8, 4]. В.А. Тишков считает, что в рассматриваемом контексте понятие «историческая родина» является условным: чаще всего «родина» – это рациональный (инструменталистский) выбор, а не исторически детерминированное предписание» [9, 38].

Достаточно распространенным следует признать и представление об исторической родине как «культурно-историческом регионе», не тождественном понятию «государство» [10, 65–68]. Во многих определениях понятие государства или страны заменено обобщенным «иноэтническим окружением».

Приведенные и другие аналогичные определения вполне позволяют распространить поня-

* Исследование выполнено в рамках программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

** Канукова З.В. – директор СОИГСИ, д. и. н.

тие диаспоры на этнические общности, проживающие в одном государстве, но за пределами своей национальной территории. Многие исследователи высказали свое несогласие с таким употреблением термина, но используют его с оговорками. Возможно, мы столкнулись с вполне допускаемой терминологической ситуацией, когда некая лексема используется для обозначения неоднозначно толкуемых понятий и в этом случае может не иметь такого терминологического свойства, как однозначность.

В ходе дискуссии появились определения, основанные на выделении отличительных черт или характерных признаков диаспоры. При их детальном рассмотрении становится очевидно, что сходства в них больше, чем различия.

Начнем с определения В. А. Тишкова, внесшего весомый вклад в теорию диаспоры: «...Диаспора – это культурно-отличительная общность на основе представления об общей родине и *выстраиваемых на этой основе коллективной связи, солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, и нет диаспоры...*» (здесь и далее курсив наш. – **З.К.**) [9, 40–42]. «Одни и те же люди, их совокупность, могут быть, а могут и не быть диаспорой», – пишет В. Дятлов, трактуя рассматриваемое явление как специфическую систему формальных и неформальных связей, основанных на общности судьбы, исторической памяти, *на совместных усилиях по поддержанию образа жизни в качестве национального меньшинства в иноэтничном обществе* [11]. Г. Шеффнер также отмечал, что диаспоры сохраняют свою этническую или этнорелигиозную идентичность и *общинную солидарность* [12, 115].

Одним из самых цитируемых в последние годы является определение Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой: «Диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтничном окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и *имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности*». Авторы особо подчеркивают такой признак диаспоры, как *внутренняя способность к самоорганизации*, которая позволяет диаспоре функционировать длительное время, при этом оставаться относительно самодостаточным организмом: «Нельзя отнести к диаспоре любую группу лиц определенной национальности, если у них нет внутреннего импульса и потребности к самосохранению» [13, 36].

Н.Н. Хабибулина в результате исследования диаспорных групп Бурятии определяет диаспору как «устойчивую этносоциальную, культурную общность людей единого происхождения, проживающую в иноэтничном окружении, имеющую

социальные институты, обеспечивающие защиту и поддержку ее членов и развивающуюся благодаря внутренним источникам саморазвития» [14].

С.В. Стрельченко под диаспорой понимает «любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное (эндогамное) меньшинство, объединенное общим самосознанием, *которое выражается в чувстве групповой солидарности*», при этом уточняет, что «диаспорой является лишь меньшинство, *обладающее институтами внутренней консолидации*» [10, 65–68]. Особо следует подчеркнуть тезис автора о том, что диаспора, в отличие от этнической группы, всегда институализирована, т. е. она создает институты и организации, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности.

Вполне соотносимы с этим представлением и выводы О. Генисаретского, который выделяет собственно диаспоры как группы выходцев из метрополии, сохраняющих с ней историческую связь в нескольких поколениях, *«поддерживающих между собой достаточно плотные коммуникативные и определенные конституциональные отношения»* и дисперсии, т. е. выходцев из метрополии, сохраняющих с ней связь по идентичности, «но не образующих достаточно плотных сообществ» [15, 141].

Не погружаясь в тонкости дискуссии по поводу типологии диаспор, правомерности их деления на «классические», «старые», «мировые» и прочие, отметим, что среди основных типологообразующих признаков многие исследователи также выделяют внутреннюю консолидацию. Так, Т. Полоскова, исследуя «мировые» диаспоры, наряду с такими признаками, как широкий ареал расселения, достаточный количественный потенциал, влияние в области политики, экономики, культуры на развитие внутригосударственных процессов, указывает *на наличие институциональных структур и сплоченность* [16]. М.А. Аствацатурова также рассматривает диаспоральность как *«способность к самоорганизации и выполнению широких социальных ролей в рамках добровольных этнокультурных ассоциаций»*, что отличает ее от группы мигрантов [17, 6].

Исследование диаспорных групп в Осетии привело автора настоящей статьи к следующему определению: диаспора – часть этноса, которая проживает вне своей исторической родины или территории обитания основного этнического массива, сохраняет этническое самосознание, культурную самобытность и *создает в ходе адаптации к принимающему обществу «диаспорную структуру», т. е. совокупность конфессиональных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных учреждений, хозяйственных объединений (мононациональных ремесленных цехов, тор-*

говых компаний и пр.). Кроме своих непосредственных задач, указанные организации выполняют и выполняют функцию *внутриэтнической консолидации, обеспечивают синергетические механизмы жизнеустройства, посредством которых складывается и манифестируется особый стиль жизненного поведения* [18].

Таким образом, большая часть авторов, характеризуя диаспору, выделяет один и тот же признак – самоорганизацию как основу жизнеустройства. Никто не оспаривает и таких системообразующих признаков, как этническая идентичность, представление об общей родине, стремление сохранить этническую и культурную самобытность.

Поэтому представляется вполне правомерным предварительный вывод о том, что в настоящее время сформировано базовое определение диаспоры. В данной историографической ситуации термин вполне отражает основные классификационные признаки называемого им понятия.

Наряду с этимологическим анализом термина необходим функциональный, который дает возможность установить особенности использования терминов. В последнее десятилетие в отечественной историографии утвердилась практика применения термина диаспора к этническим группам, проживающим в Российской Федерации, но за пределами своей национальной республики. Она прочно вошла в научный оборот во всех региональных исследованиях и охватила практически все субъекты Российской Федерации. Официальным признанием такого подхода можно считать появление крупных исследовательских и издательских проектов, их поддержку Президиумом РАН, ВАК РФ, РГНФ и РФФИ.

Например, Удмурдский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН реализовал крупный исследовательский проект «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа». В рамках крупномасштабного проекта «Феномен Удмуртии» подготовлен восьмой том под названием «Удмуртская диаспора», посвященный удмуртам, расселенным вне республики. Авторским коллективом известных этнологов, историков, лингвистов (М.Н. Губогло, В.Е. Владыкин, К.И. Куликов, Г.А. Никитина, Л.С. Христюлова, И.В. Тараканов, М.Г. Атаманов и др.) проведено исследование удмуртской диаспоры и ее связей с основным ядром удмуртского народа. В 2007 году защищена кандидатская диссертация И.М. Шеда-Зориной «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа (на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, Республик Башкортостан, Татарстан и Марий Эл)». Объектом диссертационного исследования стали удмурты Куединского района Пермской области, Татышлинского и Янаульского – Республики Башкортостан, Балтасинского и Кукморского – Республики Татар-

стан, Мари-Турекского – Республики Марий Эл, Слободского и Унинского – Кировской области, представляющие наиболее многочисленные диаспорные группы [19].

В 2009 году были защищены докторские диссертации по диаспорам Западной Сибири. Исследование Д.Г. Коровушкина посвящено вопросам формирования, этнокультурного развития (в том числе и этнокультурной адаптации), трансформации расселения и численности украинской, немецкой, чувашской, эстонской и латышской переселенческих диаспор, проживающих в сельской местности Западной Сибири [20]. Т.Б. Смирнова исследовала формирование и развитие немецких диаспор [21].

Диаспорам Приморского края посвящена монография И.О. Сагитовой, в которой рассматриваются процессы формирования, развития и этнокультурного облика еврейских, немецких и корейских диаспор на территории Приморского края во второй половине XIX–XX веках [22].

Несколько крупных проектов посвящено чувашской диаспоре. Среди них фундаментальный труд «Чувашское население России. Консолидация. Диаспоризация. Интеграция» (в двух томах), в котором исследуются группы чувашей в разных субъектах РФ, обозначаемые как диаспорные [23].

В монографии В.П. Иванова «Формирование чувашской диаспоры», в коллективной монографии В.П. Иванова, В.В. Николаева, В.Д. Дмитриева «Чуваши: этническая история и традиционная культура» рассматриваются диаспоры чувашей в Татарстане, Башкортостане, Самарской и Ульяновской областях, в Тюменской, Волгоградской, Саратовской, Пензенской, Омской, Кемеровской, Томской областях и Красноярском крае [24, 25]. В 2011 году РГНФ поддержал исследовательский проект Е.А. Ягафовой «Чувашская диаспора на постсоветском пространстве».

В докторской диссертации, а затем в фундаментальной монографии М.А. Аствацатуровой рассматриваются диаспоры Северного Кавказа, к которым автор относит армян, евреев, греков, поляков, корейцев, болгар, грузин, украинцев, таджиков, узбеков, туркмен, а также «диаспоры самих народов РФ» (чувашская, удмуртская, татарская, чеченская, кабардинская и др.) [17, 6]. Данный проект был поддержан Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006–2008).

В программу фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг.) включен проект СОИГСИ «Диаспоры на юге России: история и современность». Ранее, в 2005

году, исследовательский проект «Диаспоры на Северном Кавказе» был поддержан РГНФ.

Нет необходимости, да и возможности, продолжать этот перечень. Важно отметить, что во всех указанных работах также выделяется отмеченный выше признак диаспоральности – сплоченность и самоорганизация. По мере того, как в вышеприведенных и многих других определениях этот признак становился определяющим, понятие «исторической родины» утрачивало жесткие контуры-границы.

Вполне продуктивным следует признать предложение ряда авторов «примирить» два подхода: делить диаспоры на внутренние – проживающие в пределах одного государства, но в иноэтничной среде, и внешние – проживающие за пределами государства – родины этноса. Инициаторами «примиренческих инициатив» считаются Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова [13], такого же мнения придерживаются Ж. Ананян и В. Хачатурян [26].

Итак, основной причиной востребованности и широкого распространения термина «диаспора» в российском контексте следует признать его соответствие сущностным характеристикам реально существовавших и существующих этнических сообществ.

Попытаемся проиллюстрировать это на примере диаспор в Осетии. Со второй половины XIX века Осетия становится миграционным ареалом для представителей европейских, российских и восточных этносов – армян, грузин, евреев, немцев, греков, поляков, татар, азербайджанцев, персов и некоторых других народов. Диаспоры формировались в результате миграционной политики Российской империи, войн, экономических кризисов и других причин, успешно справлялись с адаптационными и интеграционными процессами, вырабатывали свою модель жизнеустройства, что позволило им не только сохраниться в условиях различных политических режимов, но и возродить диаспорную жизнь, а главное – избежать межнациональных столкновений. Именно это, в своем роде уникальное, явление дает основание для презентации Осетии как лаборатории по изучению межэтнических отношений.

Диаспоры были разными по численности, социальному составу, по степени сохранности этнической идентичности, по уровню инкорпорации в хозяйство и общественно-культурную среду принимающего общества, но механизм структурирования всех диаспорных групп в Осетии был одинаковым. Исторический опыт диаспор в Осетии, независимо от их конфессиональной принадлежности, подтверждает, что обязательным событием в ходе адаптационного процесса и дальнейшего этнокультурного развития было строительство своего религиозного храма. Затем вокруг храма появлялись первые национальные школы, призванные осуществлять,

наряду с образовательными целями, межпоколенную трансляцию этноконфессиональных традиций. Храм как главный элемент диаспорной структуры был связующим звеном с родиной: в грузинской церкви ежегодно совершались молебствия в честь присоединения Грузии к России; армянская церковь проводила широкомасштабные акции в помощь пострадавшим от неурожая в Эриванской губернии; шиитская мечеть устраивала торжества в честь коронации шаха, в честь принятия в Персии конституции и т. д. Все элементы диаспорной структуры – религиозно-культурные, образовательные, культурно-просветительские, благотворительные, хозяйственно-экономические и другие – были взаимосвязаны между собой общей идеей жизнеустройства в инокультурной среде, составляли целостное единство и обеспечивали члену диаспоры гармоничное состояние и этнопсихологический комфорт.

Что касается «исторической родины» перечисленных групп и правомерности их отнесения к внутренним или внешним диаспорам, отметим сложность некоторых моментов. В течение более чем полутора столетней истории интересующих нас диаспор менялись государственные границы и вместе с ними статус отдельных этнических групп. Применение к ним того или иного термина не может зависеть от изменения границ и сопровождаться хронологическими оговорками. Мы не можем, например, исключать из истории армянской или какой-либо другой диаспоры период, когда Армения (или Грузия, Азербайджан и др.) входила в состав России и СССР. Формальность такого признака проявляется здесь со всей очевидностью и подтверждается современными реалиями этнополитического процесса, в ходе которого неизбежно расширяются границы функционирования термина.

Или татары. Во второй половине XIX века они входили в состав России, но Осетия для них была инокультурной средой, где они выстраивали свою стратегию адаптации и интеграции в новое пространство. Как и другие диаспоры, они сохраняли этнокультурную идентичность и ощущали «свою инакость в окружающем социуме» [27, 9]. В подобной культурно-исторической ситуации определяющими являются другие свойства и признаки, прежде всего выделенные В.А. Тишковым и удачно обозначенные им как «ощущение и поведение» [9, 33–58]. Диаспорность татар проявилась в сплоченности и самоорганизации: строительстве своего храма – суннитской мечети во Владикавказе, школы, детского сада, в создании благотворительного общества, культурно-просветительских организаций, в наличии «татарского» квартала на городском рынке, татарского кладбища с небольшой мечетью, сохранности традиционных форм неформального общения и др. Интересно отметить, что когда

к суннитской мечети были приписаны кумыки, осетины и ингуши, татары отказались ее посещать и поставили вопрос о строительстве новой татарской мечети и школы. Мотивом их действий было стремление к этническому самовыражению, желание иметь свой национальный храм, свою обитель в иноэтническом окружении.

В современных условиях глобализации диаспора демонстрирует способность к самообновлению, к собственной пространственно-временной организации, что выражается, прежде всего, в восстановлении диаспорной структуры. Все «старые» диаспоры создали национально-культурные центры (армянское «Эребуни», азербайджанское «Азери», греческое «Прометей», грузинское «Эртоба», еврейское «Шолом», татарское им. Г. Тукая и др.), которые объединены в общественное движение «Наша Осетия». Они восстановили свои храмы, благотворительные и национально-культурные общества, национальные и воскресные школы, ставят и решают проблемы изучения родного языка, создают ансамбли национального танца и песни, проводят совместные фестивали, конференции, возрождают обрядово-праздничную культуру, изучают свои корни, занимаются благотворительностью, восстанавливают утраченные контакты с родиной. Современные диаспоры активно используют исторический опыт жизнеустройства, который убеждает в необходимости создания четкой и функционально обоснованной инфраструктуры, максимально приспособленной к конструированию современной этнокультурной идентичности и межэтническому диалогу.

Важно отметить, что все диаспоры – армянская, грузинская, немецкая, еврейская, польская, персидская, татарская, греческая, корейская – создали в Осетии одинаковые структуры, направленные на сохранение и адаптацию к новой среде, показали одну модель жизнеустройства и поведенческих стратегий, что дает основание считать правомерным употребление к ним единого термина. Другие этнические сообщества (чеченцы, ингуши, кабардинцы, кумыки, даргинцы, итальянцы, французы и др.) не имели перечисленных признаков, поэтому не могут быть причислены к диаспорам.

Еще одной причиной востребованности термина «диаспора» является отсутствие более удачных альтернативных вариантов для обозначения рассматриваемых сообществ. Ни одно из существующих словоупотреблений («субэтнос», «землячество», «колония», «община», «этническая группа», «этнические меньшинства», «нацменьшинства») не отражает совокупность выше рассмотренных признаков диаспоры. К примеру, землячество не означает этническое сообщество, земляками могут быть люди разных национальностей. Многозначный термин «колония» (от лат. *colonia* – поселение) появился в опреде-

ленном историческом контексте и означает: 1) страну или территорию под властью иностранного государства (метрополии), лишенную политической и экономической самостоятельности и управляемую на основе специального режима; 2) поселения, основанные древними народами (финикийцами, греками, римлянами) в чужих землях; 3) поселения переселенцев из другой страны, области; 4) сообщество земляков в чужом городе, в чужой стране. Отличительные свойства изучаемых сообществ в этих определениях не обозначены.

Ни одно из научных определений термина «община» (основной элемент хозяйственной и социальной структуры традиционного общества, территориально локализованный, генетически и экономически автономный коллектив людей, имеющий общую собственность на землю и основные средства производства; внутреннюю структуру, формирующуюся из взаимоотношений отдельных семей, обладающих относительной экономической самостоятельностью, из межпоколенных отношений и пр.) также не представляется удачным, отражающим все признаки рассматриваемых сообществ.

Если согласиться с мнением, что диаспора – это полемическая категория, не имеющая качеств научного термина, то следует признать и определенную условность всех остальных, не менее многозначных словоупотреблений. В рассмотренном контексте термин «диаспора» отражает главные признаки социального феномена и отвечает требованиям внедренности в научный оборот.

Всегда ли нужно отказываться от термина по причине его многозначности? Ведь изменение границ семантики термина и возникновение новых значений – закономерное явление в развивающейся терминосистеме, которая отражает процесс познания постоянно меняющейся действительности [28]. К интересному выводу пришел В. Дятлов, один из активных участников дискуссии по поводу термина «диаспора» и противников его расширительного толкования: «Термины живут своей жизнью, и не надо питать иллюзий, что мы можем полностью управлять этим процессом. Люди сталкиваются с новым явлением или по-новому осмысливают старое, пытаются вписать их в прежний социальный опыт, ищут и находят для этого слова. Иногда в данной роли выступают старые слова и термины, неожиданно приобретающие новые смыслы, часто довольно причудливые. Борьба с этим невозможно, скорее всего – и не нужно. А вот фиксировать и анализировать происходящее необходимо» [11].

С этим трудно не согласиться. К тому же чрезмерная категоричность в условиях отсутствия общепринятой дефиниции может ограничивать научное творчество и оттеснять на пе-

риферию исследовательского поиска проблемы, актуальные как в теоретическом, так и в практическом применении.

Современная историографическая ситуация показывает достаточную степень разработанности базового определения диаспоры, которое существенно уточняет сущность термина и оставляет возможности как для дальнейшего развития научной дефиниции, так и для изучения самого социального феномена.

* * *

В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение вопроса о вторжении термина в общественную практику. Однако следует отметить наметившуюся тенденцию оценочного употребления термина в прессе. Наряду с появлением таких диких формулировок, как «криминальная диаспора», «наркодигаспора», обнаружилось попытки «выявить» оскорбительный смысл термина, указывающий на «пришлость» той или иной группы, а также призывы отказаться от традиционной культуры, которая «мешает» формированию российской идентичности. «Пришлость» не может оскорблять, поскольку является непереносимым условием образования диаспоры и одним из ее главных признаков. К тому же, от

имени оскорбленных выступают вовсе не их представители, а «сторонние лица», не удосужившиеся выяснить мнение своих «подзащитных». Между тем в ходе опроса, проведенного в рамках программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы международного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» в г. Владикавказе, выяснилось, что из предложенных вариантов самоидентификации («диаспора», «землячество», «колония», «община», «нацменьшинство», «этническое меньшинство», «этническая группа»), респонденты посчитали наиболее предпочтительными «диаспора» и «землячество», наименее предпочтительными – «нацменьшинство» и «этническое меньшинство». Ответственность за попытки расшатывания межэтнического согласия должно нести руководство сомнительных общественных организаций, использующих недобросовестных журналистов и бесноватых блогеров. А тем, кто действительно заботится об укреплении российской идентичности, полезно усвоить продуктивный тезис «единство в многообразии» [9], суть которого заключается в формировании общероссийской гражданской солидарности при сохранении и развитии самобытности всех народов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милитарев А. О содержании понятия «диаспора» (К разработке дефиниции) // Диаспоры. М., 1999. № 12.
2. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // Диаспоры. М., 1999. № 1.
3. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнопанорама, 2000. № 2.
4. The New Encyclopedia Britannica. 15-th Ed.-Chicago, 1992.- Vol. 4.
5. Большая Советская энциклопедия. Изд. 3. – М., 1973. Т. 8.
6. Советский энциклопедический словарь. – М., 1984.
7. Connor Walker. The impact of homelands upon diasporas // Modern Diasporas in International Politics.- London: Groom Helm. 1989.
8. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сборник статей / Под ред. академика РАН Ю.А. Полякова и доктора исторических наук Г.Я. Тарле. Составитель Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 2001.
9. Тишков В.А. Единство в многообразии. – Оренбург, 2008.
10. Стрельченко С.В. Диаспора как субъект социально-экономических процессов (Социально-философский анализ наиболее общих тенденций в прошлом и настоящем) // Энергия, 2006, № 7.
11. Дятлов В. Диаспора: судьба термина. 2005 http://www.statusquo.ru/689/article_786.html
12. Sheffer G. A. New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics / Modern Diasporas in International Politics. - L. 1986.
13. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12.
14. Хабибулина Н.Н. Диаспора: сущность, социально-философские аспекты развития: на материалах Бурятии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Улан-Удэ, 2003.
15. Этничность и диаспоральность. Материалы «круглого стола». М., 1997
16. Полоскова Т. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты) – М. 1999.
17. Аставацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление. Северо-Кавказский регион. – Ростов-на-Дону, 2002.
18. Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.
19. Шедя-Зорина И.М. Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа (на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, Республик Башкортостан, Татарстан и Марий Эл. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ижевск – 2007.
20. Коровушкин Д.Г. Диаспоры в Западной Сибири. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология, антропология. – Новосибирск, 2009
21. Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX–начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология, антропология. – Омск, 2009.
22. Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края: история и современность». – Владивосток: ВФ РТА, 2007.
23. Чувашское население России. Консолидация. Диаспоризация. Интеграция. Т. 1: Республика и диаспора / авт.-сост. Алексеев П.М.; под ред. Губоголо М.Н. – М.: ЦИМО ИЭА РАН, 2000. 404 с.; Чувашское население России. Консолидация. Диаспоризация. Интеграция. Т.2 : Стратегия возрождения и этническая мобилизация / авт.-сост. Алексеев П.М.; под ред. Губоголо М.Н. – М.: ЦИМО ИЭА РАН, 2001.
24. Иванов В.П. Формирование чувашской диаспоры. – Чебоксары, 1988.
25. Иванов В.П., Николаев В.В., Димитриев В.Д. Чуваш: этническая история и традиционная культура. – М.: Изд-во ДИК, 2000.
26. Ананян Ж., Хачатурян В. Армянские общины в России. – Ереван, 1993.
27. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М., 2001.
28. Татаринцев В.А. Теория терминоведения в 3-х томах. Т.1. Теория термина: история и современное состояние. – М. 1996.